

При упоминании Сяо Цзяна сердце Старины Су вновь захлестнуло волной эмоций. Ненависть, досада, недоумение, обида — всё смешалось в клубок, заставив его молча прислониться к холодной, словно его душа, стене и пролить слёзы. Попутно он подвинулся, чтобы кондиционер не дул на его обнажённые ягоды.

Ему так не хватало Цзы Яня, он нуждался в объятиях младшего брата.

— Значит, ты его не трогал? — спросил Бань Цзюнь.

— Я тоже не верю, — ответил Волчонок.

Бань Цзюнь молча пил. Вот и доказательство того, что внешность обманчива. Волчонок выглядел как тот, кто способен на жестокость, но, оказывается, он ещё и добряк.

Цзы Янь действительно был доставлен Бань Цзюнем, но он пока ничего не знал. Сидя в отдельной комнате таверны в Южной общине, несколько братьев по очереди просили его подписать плакаты для своих сестёр, тётушек и прочих родственников.

— Как у тебя дела? — спросил Волчонок.

Бань Цзюнь ответил, что всё как обычно, он взял на себя организацию мероприятий в западном и восточном сообществах.

Как уже говорилось, в западном и восточном сообществах жило много нелегалов, не считая выходцев из Страны Волков. Среди них было немало людей с Северных Равнин, но они были довольно управляемы. Су Цюн основал там две школы, но каждую неделю в них проводились лекции, на которых политики, назначенные Сяо Цзяном, или учителя из Усяо, внушали им культуру и традиции Усяо.

Все, кто приходил слушать, получали небольшой мешочек риса.

По сути, это было мягкое промывание мозгов, чтобы нелегалы постепенно принимали модель правления Усяо.

Среди них были и те, кто приходил ради риса, но, слушая, как профессора на сцене восхваляют идеи Усяо, не могли сдержаться и начинали ругаться или устраивать беспорядки. А Бань Цзюнь был тем, кто обеспечивал безопасность этих «благотворителей» и усаживал жителей обратно на места.

Бань Цзюнь чувствовал себя неловко, занимаясь этим. Хотя благодаря своему происхождению с Северных Равнин он был более принят местными, чем Старина Су, он понимал, что такое внушение и образование заставляло второе поколение северян, выросшее в Усяо, полностью терять свою культуру.

Многие молодые уже не говорили на языке Северных Равнин. Видя, как их родители стоят в очереди за рисом, Бань Цзюнь задавал им несколько вопросов на их родном языке, но молодёжь не отвечала, только старшее поколение отвечало на языке Усяо.

— Есть и хорошее, и плохое, — с сожалением сказал Бань Цзюнь. — По крайней мере, на Северных Равнинах они, вероятно, остались бы без еды.

Он не хотел, чтобы эти молодые люди, как и он сам, вынуждены были собирать муравьёв с земли, чтобы выжить.

Но что касается Сяо Цзяна — с ним у Бань Цзюня не было никакого прогресса.

Сяо Цзян загрузил его работой до предела, а затем предстоял банкет, организованный семьёй депутата, который ранее посещал виллу. Супермаркет в Южной общине и школа в Северной были поручены строительной бригаде, назначенной депутатом, что стало ещё одним шагом к укреплению отношений.

— Значит, ты будешь танцевать с Сяо Цзяном? — спросил Волчонок.

— Что? — переспросил Бань Цзюнь. — С кем танцевать?

Волчонок сказал, что он, видимо, не смотрит телевизор, ведь Сяо Цзян всегда выбирал Су Цюна в качестве партнёра для танцев.

— Ты ведь не умеешь танцевать, правда? С таким телосложением, даже в костюме ты выглядишь как бригадир. Танцевать? Ха, лучше оставайся водителем, это больше подходит.

Бань Цзюнь вспомнил, что действительно, каждый раз, когда он посещал вечеринки с Вэнь Юном, Сяо Цзян танцевал с Су Цюном. По крайней мере, в начале танцев Су Цюн был его партнёром, а потом Сяо Цзян сам находил кого-то для танцев.

Надо признать, Су Цюн действительно умел танцевать, а Сяо Цзян был ещё лучше. Каждый раз Бань Цзюнь не мог оторвать взгляда, пока Сяо Цзян не смотрел в его сторону, и он поспешно отводил глаза.

— Конечно, я умею, чёрт возьми, я отлично танцую, — сказал Бань Цзюнь.

Он посмотрел на Цзы Яня, затем снова на Волчонка, который с выражением «ты явно врёшь» даже предложил показать пару движений.

— Давай, — он хлопнул Бань Цзюня по руке и спрыгнул с барного стула. — Покажи, что можешь.

Снаружи доносились ритмы музыки, Волчонок хлопнул в ладоши и покачал бёдрами.

— Ну же, ты ведь умеешь, давай.

Бань Цзюнь шлёпнул его по затылку, твёрдо заявив:

— Я умею, и мне не нужно, чтобы ты меня учил.

Цзы Янь встретился с братом только после того, как Волчонок закончил свои дела. Брат уже спал, всё ещё укутанный в своё одеяло, и было непонятно, надел ли он футболку и шорты.

Цзы Янь с обидой посмотрел на Бань Цзюня, затем на брата, на Лысого и на нескольких сопровождающих братьев, после чего вошёл в комнату и толкнул брата.

Лысый закрыл дверь, оставив Бань Цзюня и себя в гостиной. Через некоторое время из комнаты раздались рыдания, и несколько лампочек загорелись от звука. Братья поспешили выйти, заявив, что всё в порядке, просто родственники встретились после долгой разлуки.

Волчонок вытер жир с лица и сказал:

— Вот именно поэтому я не одобряю слишком быстрого привода Цзы Яня. Я думал, он уже несколько дней даже воду не пьёт, а теперь ещё и плачет, теряя жидкость. Кожа уже морщится.

Бань Цзюнь удивился, что у Волчонка есть такие представления о уходе за кожей.

— Это не я привёл Цзы Яня, это Сяо Цзян велел ему прийти. Наверное, чтобы мотивировать его работать усерднее. Если дела в северном районе пойдут хорошо, возможно, его брату не придётся страдать.

Волчонок спросил:

— Что значит «страдать», ведь это он сам отказывается есть, иначе бы я его откормил.

— Когда строительная бригада начнёт работу, тебе придётся поехать со мной, — сказал Бань Цзюнь. — Хотя переговоры почти завершены, но бригада принадлежит тому депутату, и если возникнут разногласия, я не уверен, что смогу справиться, и это будет неудобно.

Волчонок похлопал себя по груди, заявив:

— Разногласия точно будут.

Люди Страны Волков привыкли наглеть, даже если всё было согласовано заранее, как только бригада начнёт работу, они потребуют дополнительную плату. В любом случае Бань Цзюню придётся подумать, чем ещё их подмазать, иначе работа может начаться, но не закончиться.

— Как дела в порту? Я на днях отправлю туда братьев, чтобы их не схватили, — спросил Лысый.

Это тоже было одной из причин, по которой Бань Цзюнь пришёл сюда. Вэнь Юн выдал несколько сотен официальных документов, и его жена точно не смирится с этим.

Раньше они не были единой командой, каждый жил своей жизнью, но теперь жена бросила все развлечения, чтобы сосредоточиться на борьбе с Сяо Цзяном.

Старина Су помогал наладить связи с таможней, и дела шли неплохо. Его даже иногда приглашали на карточные игры. Однако после того, как его заменили на Бань Цзюня, люди стали сторониться, не желая сближаться.

Тот порт, который арендовал Вэнь Юн, не вызывал подозрений, но в двух других местах каждый раз, когда корабль причаливал, проводили тщательный досмотр. Даже если это был просто рыболовный траулер, и даже ночью, когда всё освещалось только прожекторами, каждого выводили и досматривали каждое судно.

Поэтому в последнее время покинуть порт было непросто. Даже если груз был разобран на части, его могли задержать для проверки, прежде чем выпустить.

— Что ты собираешься делать? Ты знаешь, если с вашей стороны не будет уведомления, мы не отправим людей, — сказал Лысый. — И с таможней мы ничего не можем сделать, никакие связи не помогут.

Бань Цзюнь сказал, что понимает, и пришёл именно для того, чтобы узнать, как Старина Су наладил отношения, и спросить, как он это сделал.

Лысый ответил:

— Я, возможно, не тот человек, кого стоит спрашивать. Я думал, что у нас хорошие отношения, но, вероятно, у него своё мнение.

Услышав, что рыдания в комнате стихли, Бань Цзюнь велел Лысому постучать в дверь. Тот попробовал, но ответа не последовало. Бань Цзюнь сказал:

— Ты что, не можешь постучать сильнее? Я даже не слышу, как ты стучишь.

Лысый снова постучал, и Цзы Янь открыл дверь.

Глаза Цзы Яня были красными от слёз, он выглядел так, словно плакал горькими слезами. Это вызывало жалость и желание обнять его, чтобы утешить.

Бань Цзюнь вспомнил фотографию, на которой Цзы Янь встречался с девушкой из северного района, с которой он сам тоже общался, и подумал, что Цзы Янь скрывает больше, чем кажется на первый взгляд. Ведь по внешнему виду было непонятно, кто кого соблазнил.

— Вы закончили? — Лысый указал на Бань Цзюня. — Он... он не понимает, хочет поговорить с твоим братом.

Цзы Янь покорно вышел из комнаты, оглянувшись на брата. В его глазах читались тоска и привязанность, и Бань Цзюню показалось, что в фоновом режиме заиграла музыка.

Не зря Цзы Янь был актёром, каждое его движение было как на сцене.

<http://bllate.org/book/15264/1347073>